

# ГЕРАКЛИД ПОНТИЙСКИЙ О ПОЭТАХ И МУЗЫКАНТАХ

Е. В. АФОНАСИН

Институт философии и права СО РАН  
Новосибирский государственный университет  
afonasin@post.nsu.ru

---

EUGENE AFONASIN

Institute of Philosophy and Law SB RAS  
Novosibirsk State University

HERACLIDES OF PONTUS ON THE POETS AND MUSICIANS

ABSTRACT. Heraclides of Pontus (c. 388–310 BCE), a Platonic philosopher, worked in various literary genres and wrote on such topics as psychology, politics, literature, history, geography, astronomy and the philosophy of nature. Nothing is preserved. The present publication contains a collection of the testimonies about Heraclides' varied writings, dedicated to Greek cultural history, including literary and religious studies, and, in some details, musical history. The evidences are translated and numbered according to a new edition by Schütrumpf et al. 2008.

KEYWORDS: Homer, Iliad, Odyssey, poetry and music, beauty and usefulness.

---

«Большинство платоников и лучшие перипатетики», – говорит почти в начале (некогда приписываемого Плутарху) трактата *О музыке* его неизвестный автор, – «писали о древней музыке и ее последующих искажениях». Мы знаем, что это действительно так, и Гераклид Понтийский<sup>1</sup> – не исключение. Список его сочинений показывает, что музыка, поэзия, религиозные

---

<sup>1</sup> Философ платоник Гераклид (Ἡρακλείδης) [ок. 388–310 до н. э.] писал об астрономии, физике, политике, философском образе жизни, культурной истории, литературе и географии. Ни одно его сочинение не сохранилось. Здесь и далее нумерация фрагментов Гераклида приводится по изданию Schütrumpf et al. 2008; актуальный источник каждый раз эксплицитно указан.

ритуалы и другие элементы культурной истории его интересовали не меньше, чем, скажем Аристотеля и таких его последователей, как Дикеарх, Теофраст или Аристоксен, хотя, в отличие от последнего, он должно быть не обладал специальными познаниями в области гармонии и претендовал на внесение личного вклада в ее развитие. Как бы там ни было, кроме явной цитаты в третьей главе (наш фр. 109), материал из Гераклида, как предполагают исследователи (Barker 2009, 281), должен содержаться в четвертой, пятой (кроме предложения со ссылкой на Александра), а также вплоть до десятой главы трактата *О музыке*. С одиннадцатой главы источник эксплицитно меняется на Аристоксена, что совсем неплохо отражает исходный план сочинения: в нем действительно в основном используются платоники и перипатетики и обсуждают они отличия древней музыкальной культуры от современной. К сожалению, как соглашается и сам А. Баркер, в большинстве случаев трудно решить, каков источник информации о том или ином музыкальном явлении или музыканте, и тем более, содержались ли эти сведения у самого Гераклида, или же были добавлены впоследствии. Особенно привлекательна в этой связи гипотеза о том, что в своей хронологии музыкантов и рассуждениях о происхождении и эволюции различных музыкальных стилей Гераклид опирался на более раннее сочинение «о древних поэтах и музыкантах» иначе не известного «италийца» Главка из Регия, которому и приписывается некоторая часть информации в главах с четвертой по десятую (1132E–F, 1133F, 1134D–F; Barker 2009, 282–285), по-прежнему о происхождении различных музыкальных стилей и основании празднеств. Пространное обсуждение музыкальных «номов», которое занимает большую часть этих глав, трудно отнести к какому-либо источнику. Так, из трактата *О музыке* со ссылкой на Главка мы узнаем, что Стесихор подражал не Орфею, Терпандру, Фалету и Архилоху, а Олимпу и воспользовался его «колесничным номом», что Фалет жил позже Архилоха и подражал его песням, но на поколение раньше сочинителя дифирамбов Ксенокрита и т. д., что показывает его интерес к установлению относительной хронологии поэтов, музыкантов и «изобретенных» ими музыкальных стилей и жанров, но именно это в первую очередь интересовало и Гераклида. Детали см. в текстах и примечаниях к ним.<sup>2</sup>

Нумерация фрагментов приводится по изданию: *Heraclides of Pontus. Texts and translations*, edited by Eckart Schütrumpf; translators Peter Stork, Jan van Ophuijsen, and Susan Prince, New Brunswick, N.J., Transaction Publishers, 2008; актуальный источник каждый раз эксплицитно указан. Старое изда-

<sup>2</sup> Подробнее о музыкальной культуре древней Греции см. Афонасин, Афонасина, Щетников 2015, 10 сл., 113 сл.

ние Ф. Верли (Wehrli, F. *Herakleides Pontikos. Die Schule des Aristoteles*. vol. 7, 2nd edn. Basel, 1969) в некоторых отношениях не утратило своего значения. Публикация дополняет предыдущие статьи о Гераклиде: *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 12.2 (2018) 686–704, 13.1 (2019) 349–357, 13.2 (2019) 733–754 и 14.2 (выше в этом выпуске).

### ГЕРАКЛИД ПОНТИЙСКИЙ О ПОЭТАХ И МУЗЫКАНТАХ

97. *Анонимный комментарий к «Никомаховой этике» Аристотеля* 3.2 (SAG t.20, p. 145.26–146.3 Neylbut): И Гераклид Понтийский в первой книге сочинения *О Гомере* говорит об Эсхиле в том смысле, что тот подверг себя опасности быть убитым прямо на сцене из-за того, что, как показалось некоторым, разгласил тайнства; и если бы он вовремя не понял это и не искал убежища у алтаря Диониса [то так бы оно и случилось]; когда же члены Ареопага призвали его к себе, чтобы сначала рассмотреть это дело, то, как тогда полагали, он был подвергнут суду, но избежал наказания скорее потому, что судьи отпустили его в награду за деяния во время Марафонской битвы [а не из-за этого случая]. Ведь его брат Кинегир потерял в этом сражении руки, а сам он был принесен домой на носилках с множественными ранениями. Эпиграмма на его могиле также свидетельствует об этом.<sup>3</sup>

98. Диоген Лаэртский, *Жизнеописания философов* 2.43–44: Не только на Сократе афиняне испытали это, но и на многих других. Ведь и Гомера, по словам Гераклида, они оштрафовали на пятьдесят драхм за то, что он безумен, и говорили, что Тиртей был не в своем уме, а Астидама,<sup>4</sup> первым из членов рода Эшила, почтили медной статуей. Еврипид даже порицает их в *Паламеде*, говоря: «Убили, убили / наимудрейшего / и совсем безобидного соловья муз!»

99. Порфирий, *Гомеровские вопросы к «Илиаде»* 2.649 Schrader: Почему он здесь пишет: «И другие, живущие по всему Криту в сотне городов» (*Илиада* 2.649), а в *Одиссее* (19.173–174), отметив, что Крит прекрасен, богат и окружен водой, добавляет, что «людей там неисчислимое множество, и девяносто городов»? Ведь говорить в одном месте сто, а в другом девяносто – значит впадать в противоречие. Гераклид и другие пытаются разрешить его следующим образом. Так как Гомер рассказывает, как пловущие вместе с Идоме-

<sup>3</sup> В полном тексте эпиграммы, который сохранился в *Жизнеописании Эшила* 11 (TrGF III Test. A, p. 34–35), драматург действительно прославляется за участие в этой битве.

<sup>4</sup> Астидам младший (IV в. до н. э.) был драматургом и принадлежал к роду Эшила (TrGF I, p. 88, генеалогия).

неем из-под Трои осадили Ликтос и близлежащие города, удерживаемые Левконом, сыном Таласа, воюющем против тех, кто возвращался с Троянской войны, то ясно, что поэт в данном месте скорее делает уточнение, нежели впадает в некое противоречие. Ведь [критяне], отправляющиеся в поход на Трою, были из ста городов. Когда же Одиссей вернулся домой через десять лет после падения Трои и до него дошли слухи, что десять городов Крита были взяты осадой и не объединены в один, то сказать, что их всего девяносто, должно было показаться ему вполне разумным, а, значит, если Гомер утверждает не одно и то же об одних и тех же вещах, то в данном случае он не ошибается.<sup>5</sup>

100. Порфирий, *Гомеровские вопросы к «Илиаде»* 3.236 Schrader: Кажется невероятным, чтобы по прошествии девяти лет пребывания греков под Илионом никто из варваров так и рассказал Елене о ее братьях, о том, прибыли ли они на войну или вообще не приходили под Трою, или же, прибывши, так и не пошли в бой. Ведь невозможно, чтобы такие люди оставались под Троей никем не замеченные. Гераклид говорит, что нет причины так думать, если, на исходе девятого года пребывания всех греков под Троей, Елена все еще не могла ничего сказать о своих братьях.<sup>6</sup>

101. Порфирий, *Гомеровские вопросы к «Одиссее»* 2.51 Schrader: Учитывая, что в целом женихов было около ста восьмидесяти, и что из них, как сказано, «двенадцать, все лучшие из лучших» были с Итаки, Гераклид исследует, почему Телемах уменьшает их число, в своей речи перед собранием упоминая только тех, что были с Итаки? Ведь что он говорит? «Мою мать женихи оса-

---

<sup>5</sup> М. Heath (2009, 257) отмечает, что предложение Аристотеля (фр. 146 Rose = 370 Gigon) в данном случае отделять мнение самого поэта от мнения его героя, Одиссея, может базироваться на этом «историческом» толковании вопроса, впервые предложенном Гераклидом, и допускает даже возможность того, что Порфирий – а может источник неоплатоника, или, наоборот, компилятор схолий, который использовал Порфирия – обнаружил этот аргумент в «Гомеровских вопросах» самого Аристотеля. Так что, приняв его посылку «если Гомер утверждает не одно и то же об одних и тех же вещах...», Стагирит делает из нее другой, но также возможный вывод: «...значит, в данном случае говорит не сам поэт, а его герой». Заметим, что еще с античности этот вопрос особенно привлекал тех, кто считал, что *Илиаду* и *Одиссею* написали разные авторы, а поэтому неудивительно, что они время от времени противоречат друг другу.

<sup>6</sup> Ср. Аристотель, фр. 147 Rose = 371 Gigon. Аристотель отмечает, что Елена могла бы узнать о своих братьях от греческих пленников и предполагает, что Парис намеренно не давал ей с ними встречаться. Heath (2009, 259) также видит в этом замечании ответ Аристотеля Гераклиду.

ждают против ее воли, милые сыны мужей, лучшие в этих краях». Так он уменьшил бремя сватовства, сведя их количество только к присутствующим, хотя таковые составляли лишь малую часть целого.

102. Порфирий, *Гомеровские вопросы к «Одиссее»* 2.63 Schrader: Гераклид также осуждает нескладную речь Телемаха на собрании. Ведь хотя было необходимо, как он говорит, упротить их помочь изгнать женихов из дома, он [Телемах] осуждает их в таких словах: «Но невозможно далее терпеть то, что творится, и дом мой разорен совершенно бесчестно...» [*Одиссея* 2.63–64]. А также, что лишь потому, что его отец отсутствует, он [по его словам] выносит это нашествие: «Нет такого мужа, каким был Одиссей, способного удалить из дома эту напасть, мы же сами не способны защититься» [*Одиссея* 2.58–60]. Речь же к жителям Итаки еще горше, равно как и опасность: «Позор вам перед людьми, говорит, живущими по соседству! Побойтесь гнева богов!» [*Одиссея* 2.65–66]. Но обвинитель не учел...<sup>7</sup>

103. Порфирий, *Гомеровские вопросы к «Одиссее»* 11.309 Schrader: Некоторые недоумевают, почему Гомер говорит, что тело Тития «занимало девять плетров» [*Одиссея* 11.577], об Отосе и Эфиалте в то же время сообщая, что те «были самыми высокими из вскормленных дающей злаки земель, разве что после славного Ориона» [*Одиссея* 11.309–310]. Ведь далее [11.311–312] говорится, что они были «девять локтей в ширину и девять оргий в высоту».<sup>8</sup> Но разве высота пусть даже в 29 оргий идет в какое-либо сравнение с девятью плетрами, так что они заслуживают называться величайшими «разве что после славного Ориона», но немного уступающими Титию? Затруднение разрешает Гераклид, говоря, что в отношении женщин сравнение осуществляется по родовой принадлежности. Так что, если в возрасте девяти лет братья были девять локтей в ширину и девять оргий в высоту, то «если бы меры

---

<sup>7</sup> Аргумент в фрагментах 102 и 103 развивается последовательно. В обоих случаях Гераклид отмечает нескладность речи Телемаха и подчеркивает слабость его позиции. Ведь очевидно, что вместо выдвижения обвинений он должен был попросить о помощи. Однако каково же опущенное нашим источником решение вопроса? В первом фрагменте, очевидно, Гераклид считает естественным, что обращаясь к жителям Итаки, Телемах и просит защиты не от всех подряд, но только от своих соотечественников, женихов с Итаки. Во втором случае, вероятно, Гераклид бы сказал, что Гомер не только не виноват в нескладности речи Телемаха, но и заслуживает похвалы в качестве поэта, способного живо передать характер своего героя.

<sup>8</sup> В качестве меры длины один плетр равнялся шестой части стадия, в качестве меры площади он равнялся четырем агурам (то есть составлял ок. 0,095 га или 10 тыс. кв футов). Соответственно, один пэхос (локоть) – это примерно полтора фута (ок. 46 см), а оргия (размах рук) – ок. 6 футов (ок. 1,85 м).

юношеской достигли» [*Одиссея* 11.317], то и рост бы имели соответствующий их возрасту.<sup>9</sup> Следовательно, поэт основательно называет их «самыми рослыми и прекрасными» [*Одиссея* 11.309], так как это относится к ним в большей мере, нежели к другим, что не мешает кому-то еще быть больше, чем они, в то же время уступая им в красоте.

104. Порфирий, *Гомеровские вопросы к «Одиссее»* 13.119 Schrader: Стремясь объяснить необычное поведение феакийцев, которые доставили Одиссея в его страну спящим, равно как и несвоевременный сон Одиссея [*Одиссея* 13.117–126], Гераклид Понтийский говорит, что как раз странными выглядят те истолкователи, которые не пытаются понять, что этим хотел сказать поэт, и какой образ жизни в целом ведут феакийцы. Ведь, осознавая ценность своего образа жизни, полного удовольствий и весьма приятного, они опасались, что кто-то может прийти на их землю и изгнать их, а поэтому они решили играть сразу две роли (ὑποκρίνασθαι): оказывать гостеприимство тем, кто присутствует, и быстро отсылать чужаков. И они сделали все для того, чтобы их дом оставался скрытым, и никто не знал, насколько далеко он расположен, ведь, заселив прекрасный остров, они не были готовы к войне и не стремились к ней, наслаждались жизнью, в которой не было места брани: «феакийцев же не заботит ни лук, ни колчан» [*Одиссея* 8.248]. Заботит же их, как он еще говорит, пир, кифара и песни. Значит, будучи такими людьми и живущие в такой стране, они вполне основательно стремились к тому, чтобы оставаться неизвестными для воинственных людей, способных лишить их дома. Поэтому они так скоро провожали гостей, и вовсе не из гостеприимства: «Люди здесь не встречают гостя с распростертыми объятьями, и не очень радушны с теми, которые все же пришли» [*Одиссея* 7.32–33]. Поэтому не без здравого размышления и по причине подобного рода они тут же отсылают своих гостей, чтобы никто не вздумал у них обосноваться.<sup>10</sup>

---

<sup>9</sup> Орион, Отос и Эфиалт были детьми Посейдона, однако матери у них были разные: у Ориона – Эриала, у Отоса и Эфиалта – Ифимедея. То есть, решение вопроса состоит в том, что сравнивать их нужно со всеми вообще, но только с их братом Орионом и другими родственниками.

<sup>10</sup> В целом, изоляционизм феакийцев понятен, однако как тогда понимать слова царя Алкиноя, который предлагал Одиссею жениться на его дочери и поселиться на острове (*Одиссея* 7.311–316)? Возможно, Гераклид имел в виду, что у гостя было две возможности: он должен был либо остаться навсегда, либо немедленно покинуть остров с соответствующими предосторожностями со стороны хозяев. Примечательно, что Аристотель в *Поэтике* (1460a) отказывается в данном случае разрешать противоречие, замечая, что у такого великого поэта, как Гомер, мелкие несообразности повествования – это ничто по сравнению с многочисленными

105. Римское жизнеописание Гомера (*Vita Homeri Romana*) 6: О времени, когда процветал Гомер говорится следующее. Гераклид Понтийский показывает, что он старше Гесиода.

106. Плутарх, *О том, что согласно Эпикуру вести приятную жизнь невозможно* 12, 1095A: Ведь им не пришло бы в голову выдвигать все эти слепые и беззубые придирки и нападки несдержанных людей, если бы, коли ничего более не остается, они научились писать о Гомере и Еврипиде, подобно Аристотелю, Гераклиду и Дикеарху.

107. POxy. 1012, fr. 9, col. 2.1–8 (CPF pars 1, tom. 1\*\*, p. 215 Fanan): Понтийский Гераклид говорит <три плохо читаемых строки> упомянув имя жрицы Гимеры <...><sup>11</sup>

108. Плутарх, *Александр* 26.1–7: Когда же Александру поднесли шкатулку, которая тем, кто получил имущество Дария и его пожитки, показалась наиболее ценной, то он спросил друзей, что по их мнению лучше всего туда положить. И пока многие давали различные советы, он сам сказал, что он поместит туда для сохранности *Илиаду*. И немало свидетелей подтверждают это событие.

Если же то, что говорят александрийцы, в свою очередь доверяя Гераклиду, – правда, то становится ясно, что не зря и не без особого смысла сопровождал его Гомер в военных походах. Ведь они говорят, что, покорив Египет, он задумал основать там большой и людный греческий город и, назвав своим именем, оставить в память о себе; и он уже, по совету своих зодчих, собирался было обмерять территорию невиданных прежде размеров и огородить ее. Именно тогда ночью приснился ему удивительный сон: ему явился некий белобородый муж статного вида, который встал перед ним и прочитал такие строки: «Остров здесь некий стоит посреди неспокойного моря, напротив Египта. Его именуют Фарос». Тут же поднявшись, он отправился на Фарос, который тогда еще был островом, расположенным

---

другими достоинствами, которые и делают его произведение столь привлекательным для читателя. Heath (2009, 263) усматривает в этом отрывке скрытую полемику Гераклида с Аристотелем.

<sup>11</sup> В этом почти не читаемом отрывке папируса важно упоминание жрицы Гимеры, предсказавшей, как мы узнаем из фр. 117B (ниже), тираническое правление Дионисия. Согласно мнению издателей (Schütrumpf et al. 2008, 197 n. 1), невозможно решить, происходит ли это фрагментарное свидетельство из одного из сочинений Гераклида о пророчествах (см. фр. 117–126), или же, в соответствии с контекстом самого папируса, из какого-то сочинения нашего автора об именах исторических и литературных персонажей.

немного выше Канобского устья [Нила], а в настоящее время соединен с материком насыпной дамбой. Сразу же оценив естественные преимущества этого места – ведь этот участок земли, отделявший от моря перешейком небольшой ширины обширный залив, заканчивался просторной гаванью – он воскликнул, что Гомер, как оказывается, чудесен и в других отношениях, но в качестве зодчего просто бесподобен, и приказал разработать план города так, чтобы в него хорошо вписывалось и эта местность.

109. Псевдо-Плутарх, *О музыке* 3, 131F–132C: Гераклид в своем «Собрании выдержек из сочинений тех, кто писал о музыке» говорит, что первым изобрел пение в сопровождении кифары и написал поэтические произведения для кифары Амфион, сын Зевса и Антиопы, очевидно, будучи научен своим отцом. Подтверждает он это записью, хранящейся в Сикионе, называя имена аргосских жриц, поэтов и музыкантов на ее основании. В это же время, как он говорит, Лин из Евбеи сочинил [первые] погребальные песни, френы, Анф из Анфедона в Беотии – гимны, а Пиер из Пиерии – воспел в поэмах муз; а также что Филаммон Дельфиец воспел Лето и рождение ею Аполлона и Артемиды и первым ввел хоровое пение в Дельфийском святилище. Фамирид, родом из Фракии, настолько превосходил всех своих современников красотой голоса и мелодичностью пения, что, по словам поэтов, вступил в спор с музами. Именно он, как говорят, сочинил «Битву Титанов с богами». А Демодок из Керкиры был древним музыкантом, сочинившим «Разрушение Илиона» и «Свадьбу Афродиты и Гефеста»; но и Фемий с Итаки сочинил поэму о возвращении изпод Трои тех, кто отправился туда с Агамемноном. Речь в вышеупомянутых сочинениях не была свободной и лишенной метра, но как у Стесихора и древних лирических поэтов (μελοποιῶν), сочинявших эпические стихи и украшавших (περιετίθεσαν) их мелодией. Он говорит, что таков был Терпандр, сочинитель песен для кифары, который переключивал, отдельно для каждого лада (νόμος), собственные сочинения и поэмы Гомера на музыку и пел их на состязаниях. Именно он, по его словам, и дал названия ладам для кифары. Подобно Терпандру, Клонас, первым установив лады для авла и просодиев (песен, исполняемых во время шествий), писал элегии и эпические произведения. Полимнест же из Колофона, рожденный после них, использовал те же поэтические размеры.<sup>12</sup>

<sup>12</sup> Как и в других античных списках первооткрывателей, мифологические фигуры, вроде сына Зевса Амфиона, сыновей Аполлона Лина и Филаммона, вкуче с их сыновьями Пиером и Фамиридом (соответственно), и сына Посейдона Анфа, и литературные персонажи, вроде гомеровских бардов Демодока и Фемия, идут вместе с действительно существовавшими поэтами и музыкантами, такими как поэты VII в.



10. Афиней, *Пирующие софисты* 15.62, 701E–F: Многие произносят эти слова, окончив то или иное занятие, причем одни говорят, что «иэ пайан (ἰὴ παῖαν)» – это присказка, смысл которой никто уже не помнит, а другие, что это вовсе не присказка. Но в любом случае выдумкой следует считать утверждение Гераклида Понтийского, будто впервые сам бог [Аполлон] трижды произнес эти слова во время возлияний: «иэ пайан, иэ пайан, иэ пайан». Ведь на основе подобного предположения он приписывает самому богу и изобретение так называемого триметра, говоря, что богу принадлежат оба варианта этого стихотворного размера, так как если первые два слога произнести как долгие, «иэ пайан» становится героическим [спондеическим] размером, а если как краткие – то ямбическим. Но ведь тогда ему же следует приписать и изобретение холиямба [хромого ямба], так как, если их [два первых слога] сделать краткими, а два последних долгими, то получится ямб Гиппоакта.<sup>13</sup>

11. Схолия к «Резу» Еврипида 346 (р. 335/13–19 Schwartz): Некоторые, как Гераклид, возводят его род к Евтерпе. Ведь он говорит: седьмая [муза] – это Калиопа, изобретательница эпической поэзии, вышедшая замуж за Эагра и родившая Орфея, ставшего величайшим мастером пения под кифару среди людей и наиболее совершенным (συκρεματικώτερον) во всех свободных искусствах; восьмая – это Евтерпа, изобретательница благозвучных сочетаний

---

Терпандр, Клонас, Полимнест и Стесихор. Примечательно, что Гераклид, как сообщается, пользовался неким источником – списком из упоминаемого еще в *Илиаде* древнего полиса Сикион (Пелопоннес, Коринфия). Связь истории о мифическом музыканте с Сикионом традиционна, так как именно в этот город сбежала мать Амфиона Антиопа, опасаясь гнева своего отца. Гомеровский персонаж Демодок, бард при дворе царя феаков Алкиноя, действительно пел не только о падении Илиона (*Одиссея* 8.492 сл.), но и об Афродите и Гефесте (правда, не об их свадьбе, а о том, как Гефест застал свою жену Афродиту в постели с Аресом, *Одиссея* 8.254 сл.), остров феаков Схерия еще в древности идентифицировались с Керкирой, а Фемий, поэт при дворе Одиссея, исполняет у Гомера песнь о возвращении ахейцев (*Одиссея* 1.326 сл.). Дополнительные пояснения к этому фрагменту см. в предисловии к данной работе.

<sup>13</sup> «Иота» и «альфа» в словосочетании ἰὴ παῖαν могут быть как долгими, так и краткими, что позволяет сконструировать из него несколько различных стихотворных размеров. Ямбический размер создается такой последовательностью слогов: краткий – долгий – краткий – долгий; спондеический: четыре долгих. Героический триметр (три раза по четыре долгих слога) оказывается эквивалентным гекзаметру (шесть раз по два долгих слога). В отличие от обычных триметров, в холиямбе вместо последнего краткого слога ставится долгий. В целом о триметрах и, в частности, о холиямбе поэта VI в. Гиппоакта см., например, Снелль 1999, 30–39.

(εὐέπεια) для авла, вышедшая замуж за Стримона и родившая Реза, которого убили Одиссей с Диомедом [*Илиада* 10.495].

12. Элий Дионисий, *Аттические имена*, Λ17 (Erbse): Лён (λίνον). Гераклид Понтийский: в древности струны делали из льна, а не из кишок. Но и Гомер, зная, что для их изготовления используются [свиные] кишки [*Одиссея* 21.406], называл струны льном [*Илиада* 18.570].<sup>14</sup>

13. Афиней, *Пирующие софисты* 10.82, 455С: Гимн Деметре в Гермione, сочиненный Ласом, асигматичен, как говорит Гераклид Понтийский в третьей книге сочинения *О музыке*, и начинается так: «Танцюю для Деметры и Кору, супруги Славного [Аида]». <sup>15</sup>

14. Афиней, *Пирующие софисты* 14.19–21, 624С–626А: Гераклид Понтийский в третьей книге сочинения *О музыке* говорит, что фригийскую, как и лидийскую [мелодические последовательности] не следует называть ладами. Ведь ладов (ἄρμονίαι) только три, и только три эллинских рода: дорийцы, эолийцы и ионийцы. И различия в их нравах немаловажны: спартанцы в большей мере, нежели остальные дорийцы, сохраняют обычаи своих отцов, фессалийцы же (так как они относятся к тем [народам], которые изначально принадлежали к одному роду с [современными] эолийцами) также никогда не меняли своего образа жизни, тогда как большинство ионийцев изменились, приспособившись к нравам постоянно правящих ими варваров. Так мелодическую последовательность (ἄγωγην), которой следовали дорийцы, назвали дорийским ладом, эолийским ладом стали называть ту [последовательность], которую пели эолийцы, ионийской же назвали третью – ту, которую слышали от поющих ионийцев. Дорийский лад отличает мужественность и величавость, он не разнуздан и весел, но напротив, скуп и силен, не будучи при этом пестрым и изменчивым. Эолийский характер отличается надменностью и весомостью, и даже некоторым тщеславием, что проявляется как в их любви к коневодству, так и в их отношении к иноземцам. И все же это не признак коварства, но скорее возвышенности и решительности. Для них обычны также попойки, эротические развлечения и, в целом, все то, что позволяет вести распущенный образ жизни. Их характер лучше всего соответствует так называемому гиподорийскому ладу. Ведь именно таков,

<sup>14</sup> Это место из *Илиады* с древности вызывало разногласия, и это выражение поэта часто истолковывалось как «песни Лина», мифического сочинителя френов из Евбеи (см. фр. 109).

<sup>15</sup> Лас из Гермione (в Арголиде) был в Афинах при дворе Гиппарха (ум. 514 г. до н. э.). В греческом тексте этой строки действительно нет ни одной «сигмы», как и в двух других строках из этого гимна, цитируемых в след. фрагменте.

как говорит Гераклид Понтийский, тот лад, который они называли эолийским, как в гимне Ласа из Гермионы,<sup>16</sup> обращенном к Деметре в Гермионе: «Танцюю для Деметры и Кору, супруги Славного [Аида], / вознеся медозвучный гимн / эолийским рокошущим ладом».

Эти строки все поют на гиподорийский лад. А так как мелодия здесь гиподорийская, то Лас вполне основательно называет этот лад эолийским. Но и Пратин<sup>17</sup> говорит где-то: «Преследуй не напряженную, / и не расслабленную [ионийскую] / музу, но, среднюю / вспахав борозду, эолийствуй в своей песне». А далее он говорит это еще более отчетливо: «Подходит / всем дерзновенным певцам / эолийский лад». Так что ранее, как я уже говорил, его звали эолийским, теперь же гиподорийским, полагая, как говорят некоторые, что при игре на авле он располагается как раз под дорийским...<sup>18</sup>

Рассмотрим теперь характер милетян, тот, что отличает [ионийских] милетян. Эти настолько гордятся тренированностью своих тел, исполнены дерзости и неохотно идут на компромисс, что им вовсе не свойственны человеколюбие и веселость, тогда как черствость и твердость, напротив, отчетливо проявляется в их характере. По этой причине лад ионийского рода не цветист и не весел, но суров и строг, он весом, но в то же время и не лишен благородства. Именно поэтому этот лад больше всего подходит для трагедий. Правда, характер современных ионийцев более избалованный, нежели ранее, что весьма изменило и характер лада....<sup>19</sup>

Итак, ладов, как я сказал в самом начале, только три, столько же, сколько и народностей. С фригийским же и лидийским ладами, бытовавшими у варваров, познакомилась те эллины, которые вернулись вместе с Пелопсом из Фригии и Лидии. Ведь лидийцы последовали за ним потому, что Сипил был частью Лидии, а фригийцы – не из-за общей границы с лидийцами, но по-

<sup>16</sup> См. предыдущий фрагмент.

<sup>17</sup> Пратин из Флиунта (Пелопоннес), кон. IV– нач.V вв. до н.э. (ок. 70 олимп.), старший современник Эсхила, именно с его именем связывается появление сатировой драмы на Афинской сцене.

<sup>18</sup> Следующее предложение скорее всего принадлежит самому Афинею. В нем он утверждает, что гиподорийским этот лад скорее всего называют потому, что он похож на дорийский (как белое и почти белое – λευκόν и ὑπόλευκον).

<sup>19</sup> Следующий параграф также скорее всего принадлежит самому Афинею или происходит из иного источника. Там приводится несколько цитат из Пиферма Теосского, которому и приписывается изобретение ионийского лада. Затем отмечается, что ионийского лада на самом деле не существует, и он представляет собой лишь некую вариацию внутри музыкальных ладов и т. д., что явно противоречит только что сказанному Гераклидом.

тому, что ими также правил Тантал.<sup>20</sup> На территории всего Пелопоннеса, и в особенности, в Спарте, и сейчас можно увидеть большие гробницы, которые, как считается, принадлежат фригийцам, бежавшим с Пелопсом. Так что, по его словам, элины научились этим ладам от них. Поэтому и Телест из Селинунта<sup>21</sup> говорит: «Сначала за элинскими чашами вина в сопровождении авла / спутники Пелопса пели для Горной Матери фригийскую мелодию. / А высокозвучные струны их пектид<sup>22</sup> выводили / лидийский гимн».

115А. Филодем, *О музыке* 4, PNeis 1497, col. 49.1–20 Delattre: ...если подумать кое о чем из сказанного о том, [что Гераклид писал] о подходящих и неподходящих мелодиях, мужественных и женственных характерах, о действиях, согласующихся и несогласующихся с природой соответствующих персонажей, – ведь все это, по общему признанию, недалеко отстоит от философии, – и позаимствовав это и много еще чего у Гераклида, он говорит, что из всего вышесказанного становится ясно, что музыка полезна для многих жизненных ситуаций, и что любовь к этому искусству запросто приближает нас к множеству добродетелей и даже, как он полагает, ко всей их совокупности.

115В. Филодем, *О музыке* 4, PNeis 1497, col. 137.27–138.9 Delattre: Диоген же говорит: «Если подумать о том, что написал Гераклид о подходящих и неподходящих мелодиях, мужественных и женственных характерах, о действиях, согласующихся и несогласующихся с природой соответствующих персонажей, [и подумать об этом] на манер, недалеко отстоящий от философского [способа размышления]», – то мы убедимся и в том, что музыка полезна для многих жизненных ситуаций, и что любовь к этому искусству запросто приближает нас к множеству добродетелей и даже ко всей их совокупности. Изложив все это в третьей книге наших *Заметок* наряду с высказываниями других авторов, мы показали там же какой все это наполнено глупостью.<sup>23</sup>

---

<sup>20</sup> Гора Сипил (совр. Маниса, Турция) почиталась лидийцами с древнейших времен. Согласно мифу, Зевс поразил Тантала молнией и навалил ему на голову эту гору (Павсаний, *Описание Эллады* 2.22.3, даже уверяет, что видел на горе могилу Тантала). После этого события сын Тантала Пелопс вынужден был бежать с Сипила. В греческий период на склоне горы находился древний город Магнезия.

<sup>21</sup> Телест из Селинунта – автор дифирамбов, победитель состязаний в Афинах в 402/1 г. до н. э.

<sup>22</sup> Пектида – это лидийская двадцатиструнная арфа.

<sup>23</sup> Это сообщение о Гераклиде, повторяющаяся дважды с вариациями в одном папирусе, оба раза возникает в контексте цитаты из стоического философа Диоге-

116А. Филодем, *О поэмах*, PHerс 1677, col. 5.20–6.28 Romeo: Когда мы что-то обсуждаем, это может показаться неважным, но когда то же самое делает поэт, то оно тут же становится величавым и значительным. Тогда-то и возникает художественное творение (πεποημένον), хотя ни величавость, ни значительность не возникают лишь потому, что [читатель / слушатель] испытывает удовольствие (γῆθησι)... [следующее предложение сохранилось лишь частично] Более того, когда значительность и величавость все же возникают, то [произошедшие] изменения, как следует заметить, находятся в разуме, а не в том, как мы слышим, так как эти [свойства] проявляются вовсе не в благозвучии и, тем более, не в слухе. Поэтому всякий внимательный читатель будет озадачен тем, что для разъяснения затруднений в поиске причин этого явления, он использует теорию, которая, как считается, принадлежит Гераклиду. Ведь чудовищно, если не совершенно ошибочно, полагать, что слышимые нами звучность и напевность, которые Гомер признавал и всегда соблюдал, воздействуют на величавость и значительность или же что они создают видимость величавости и значительности.

116В. Филодем, *О поэмах*, PHerс 1425, col. 3.11–6.5 Mangoni: ...и более всех Гераклид, как мы отмечали ... Гераклид... если о пользе говорится в связи с совершенством... но если он говорил об этом в другой связи...[...] <sup>24</sup> ...венок, так как, хотя существует много видов полезного, он не дал определения того, какую именно пользу можно от него [поэта] ожидать; не показал он также и того, каким образом он доставляет удовольствие и какого рода это удовольствие, оставив в обоих случаях без определения эти проявления поэтического совершенства, исключив заодно из своего списка прекраснейшие сочинения наиболее знаменитых поэтов (у одних – большинство сочинений, у других же – все), – и все потому, что они не приносят никакой пользы. Что же тогда сказать о тех поэмах, которые приносят вред, и немалый, в той мере, в какой они [зависят от себя? нас?]? Как же тогда быть и с представлением о том, что наиболее совершенно лишь то, что всего полезнее, если никто не способен этого достигнуть, ни через медицинское искусство, ни через ремесло (мудрость), ни через какой иной род познания, стремясь в нем к

---

на Вавилонского (сер. III – сер. II в. до н. э.), которому принадлежало сочинение *О музыке*, постоянно цитируемое Филодемом (фр. 59–90 SVF, рус. пер. А. А. Столяров, наш текст: фр. 88 SVF). Филодем с эпикурейских позиций критикует идею, распространенную среди платоников, перипатетиков и стоиков, о воспитательной роли музыки и ее целительной силе.

<sup>24</sup> Три строки не читаются, а в предшествующих им строках 3.11–33 читаются лишь отдельные слова, однако из них ясно, что имя Гераклида дважды упоминается в связи с темой о пользе поэзии, которая обсуждается ниже.

высшему совершенству наряду с [искусством] поэтического исполнения? И когда он пишет, что он [поэт], приносящий удовольствие, но не пользу, может быть творцом, но не знать того, как на самом деле обстоят дела, то он должно быть думает, что знать то, как обстоят дела – значит быть полезным, что, очевидно, ложно. Но если само сообщение [о том, как обстоят дела] и не приносит пользы, то ничто не мешает поэту, знающему об этом положении дел и рассказавшем о нем в художественной форме, какую-нибудь пользу да принести. Необоснованно нагружая сведущего в своем деле поэта, он заставляет его столь же основательно разбираться в вещах, относящихся к другим областям познания, хотя знания в избранной им области должно быть достаточно. Тому, кто... знания музыки... ведь всем поэтам геометрия, география... навигация... [...].<sup>25</sup>

#### БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Афонасин, Е. В.; Афонасина, А. С.; Щетников, А. И. (2015) ΜΟΥΣΙΚΗ ΤΕΧΝΗ. *Очерки истории античной музыки*. Санкт-Петербург.
- Снелль, Б. (1999) *Греческая метрика*. Пер. с нем. Д. Торшилова. Москва.
- Afonasin, E. V., Afonasina, A. S., Shchetnikov, A. I. (2015) ΜΟΥΣΙΚΗ ΤΕΧΝΗ. *Studies in Ancient Music*. St. Petersburg (in Russian).
- Barker, A. (2009) "Heraclides and Musical History," *Heraclides of Pontus. Discussion*, edited by William W. Fortenbaugh and Elizabeth Pender. New Brunswick, N.J., 273–298.
- Heath, M. (2009) "Heraclides of Pontus on Homer," *Heraclides of Pontus. Discussion*, edited by William W. Fortenbaugh and Elizabeth Pender. New Brunswick, N.J., 251–272.
- Schütrumpf, E., ed. Stork, P., van Ophuijsen, J., Prince, S., eds., trs. (2008) *Heraclides of Pontus. Texts and translations*. New Brunswick, N.J.
- Snell, B. (1999) *Grecheskaya metrika*. Transl. D. Torshilov. Moskva.

---

<sup>25</sup> В строках 5.18–6.3 читаются лишь отдельные слова, из которых видно, что в них продолжается обсуждение той же темы. Трудно сказать, какая часть этого и предшествующего ему рассуждения воспроизводят воззрения самого Гераклида, так как в обоих случаях упоминание его имени возникает в контексте продолжающегося обсуждения. В обоих случаях Филодем, как видно, настроен критически. Слова о том, что поэт не обязан быть знатоком искусств, вроде медицины или навигации, разительно контрастирует с позицией Александра из фр. 108. В целом, античные авторы любили повторять, что такие поэты, как Гомер, были сведущи во всем. Рассуждения о том, что поэтические произведения, которые не приносят пользы или вредны, должны быть изъяты из употребления, звучат весьма в духе *Государства* Платона.